

УДК 330.1

Е.В. ШЕРГЕЛАШВИЛИ,
аспирант
Донецкого национального
технического университета

М.И. КРАВЧЕНКО,
кандидат экономических наук, доцент
Донецкого национального
технического университета

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ, ЕЁ МЕСТЕ И РОЛИ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Статья посвящена роли и месту современной политической экономии в системе экономических наук. Современная политическая экономия определяется как теория развития общества, раскрывающая экономическую структуру общества как целостности, закономерности развития общества и фундаментальные принципы приведения всей системы общественных отношений в соответствие с формой присвоения как материального отношения общественного производства, которую мы отличаем от формы собственности, и как общесистемной сущности всей совокупности общественных отношений по производству общественной жизни человека, как внутренней формы общества. В такой определенности современная политическая экономия не противостоит иным экономическим дисциплинам, а напротив, выступает их фундаментальной теоретико-методологической основой, интегрирующей их в единую систему экономической науки.

Ключевые слова: *экономическая наука, предметные направления и области экономической науки, классическая политическая экономия, неоклассика, институционализм, неоклассический синтез, современная политическая экономия.*

Проблема становления современной политической экономии широко обсуждается на постсоветском пространстве, выдвигаются различные концепции и парадигмы её разработки: реактуализации классической философии и политической экономии (1), институциональной политической экономии (2); объединения основных направлений в экономической теории (3); от плюрализма к единой философии хозяйства через новое осмысление аксиоматических основ экономической теории (4). Это наиболее широко определенные типичные подходы к выработке современной политической экономии, которые представлены различными, отличающимися друг от друга версиями и названиями, а также различным отношением к неоклассике и в целом к экономиксу. Все вышеперечисленные подходы имеют свои плюсы и минусы, отражают те или иные аспекты и проблемы становления современной политической экономии и являются той критической массой, на основе которой можно, на наш взгляд, выйти на такую проблему, решение которой позволит продвинуть процесс становления современной политической экономии.

Экономическая наука прошла длительный путь своего развития от общих представлений правовых основ организации и ведения домашнего хозяйства, государственного хозяйства, до науки о природе и причинах богатства, теорий национального хозяйства, общественного развития, поведения хозяйствующих

субъектов различных уровней экономики в условиях ограниченных ресурсов, теорий организационного и институционального развития, отраслевых, функциональных и иных предметных направлений.

Разросшееся древо экономической науки столкнулось с проблемой интеграции знаний, добытых в рамках различных её направлений. Иначе говоря, экономическая наука вышла на этап междисциплинарности как условия дальнейшего её развития, что не исключает своей собственной предметности для каждой науки. В этом отношении политическая экономия как наука не является исключением. В предельно обобщённом, научном виде предмет политической экономии сознательно был сформулирован К. Марксом значительно позже появления самого термина «политическая экономия».

Предмет политэкономии так, как он определен Марксом, потенциально содержит в себе все существующие на сегодняшний день определения предмета политической экономии, вплоть до её институциональных направлений и тесно связанных с ними семейств новых политических экономий. Поэтому становление современной политической экономии нам видится на пути преодоления марксистской политической экономии путем её развития и обогащения на основе добытых экономическими и иными науками о человеке и обществе знаний и её теоретико-методологического и философского ядра.

Марксистская политическая экономия не заменяет собой наработки немарксистских экономических теорий, но она способна их интегрировать, если освободится от абсолютизации формы собственности, унаследованной ею от классической политэкономии, на основе решения проблемы разграничения понятий «форма присвоения» и «форма собственности», что и является основной проблемой данного доклада.

Под политэкономией К. Маркса мы понимаем его теорию общественно-го развития. Теоретико-методологическими основаниями её являются исторический материализм и материалистическая диалектика. Объектом исследования является общество, оно же является всеобщим субъектом общественного производства. Основой всей совокупности общественных отношений по производству общественной жизни являются производственные отношения (предмет исследования) как материальные отношения, независимые от воли и сознания, являющиеся продуктом предшествующего развития процесса производства, проявляющиеся как интересы, но вступающие из бытия как необходимости в актуально-функционирующее вот-бытие через практическую сознательно-волевую деятельность субъектов общественного производства по изменению политико-правовых и экономико-правовых отношений, т. е. изменения определенных сегментов правовой системы общества, например, системы права в экономической сфере жизнедеятельности общества, а в определенных случаях всей системы права, что влечет за собой постепенное изменение всей системы неформальных отношений и институтов во всех сферах общественной жизни: экономической, политико-правовой и социо-культурной.

Поэтому марксистская политэкономия не противостоит институционализму, а является его фундаментальной теоретико-методологической основой, поскольку определяет институты не только как правила игры в обществе или созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми (политические, экономические и социальные) и сокращают трансакционные издержки, а и как институты, через которые производственные отношения как экономическая структура общества из бытия как необходимости вступает в реально-функционирующее вот-бытие, и что возможности институционального развития, в том числе с точки зрения организации взаимоотношений между людьми и сокращения трансакционных издержек, зависят от того, насколько институты общества и, прежде всего, базисные институты отражают экономическую структуру общества (производственные отно-

шения), диктуемую уровнем развития производительных сил общества. Отсюда следует, что согласно К. Марксу производственные отношения и экономические отношения соотносятся как сущность и явление. Экономические отношения как явления производственных отношений в снятом виде содержат определенность всех иных сфер жизнедеятельности общества. Более того, если учесть, что производственные отношения по Марксу есть отношения присвоения и как таковые они есть отношения определенной формы присвоения как материального отношения, как целостного выражения всей системы производственных отношений, как их общесистемная сущность, то тогда и сами базисные (в том числе и формы собственности), и иные институты будут поняты как институты исторически конкретной формы присвоения как определенного единства всей системы отношений и институтов.

Методологическая значимость данного теоретического положения политической экономии особенно высока на этапе системной трансформации общества, поскольку только по роли и функции институтов в составе целого можно понять их во всем явленческо-сущностном богатстве. Только с данных позиций политической экономии можно подойти системно к концепции трансформации институциональной системы общества с позиций единства и целостности, единичным выражением этой целостности и является форма присвоения, которую мы отличаем от формы собственности, последняя является одной из форм её движения, осуществления. Забвение или неадекватное понимание данного положения, в неявном виде содержащиеся в работах Маркса, и которое он не структуризировал, следствием чего явилась ошибочность некоторых положений его теории, особенно относительно будущего общества, приводит к тому, что различные предметные направления экономической науки, в том числе и институционализма, новой политической экономии не имеют единого теоретико-методологического основания, конкурируют друг с другом за приоритетность роли и значимости того или иного института или группы институтов: экономических, политических, правовых, социо-культурных, не имея четко обоснованных критериев для этого. Поэтому марксистская политэкономия не противостоит институционализму, а показывает его онтологическое основание, функциональную роль институтов в системе общественного производства с точки зрения перехода производственных отношений из бытия как необходимости в реально функционирующее их вот-бытие как экономических отношений, т. е. их явления в реальном вот-бытии, поэтому является фундаментальной теоретико-методологической основой предметной области институционализма в целом и его предметных направлений.

Формирование адекватной системе производственных отношений институциональной среды по существу означает создание условий и предпосылок, в которые погружается рынок, который только при новых институциональных предпосылках может выполнять роль носителя новой общественной формы присвоения как общесистемного отношения, обратной стороной которого является властное отношение, как системообразующее отношение. Поэтому важнейшим институтом общества как целого является институт власти. От адекватной институционализации властных отношений в смысле их соответствия материальным отношениям общественного производства зависит адекватность институционализации всех иных отношений в обществе, преодоления двойственности морали, о которой так часто и много говорят в нашем обществе. Таким образом, у институционалистов непочатый край работы, а первоочередной задачей является разработка концепции реформирования института власти.

В обществе, находящемся в фазе системной трансформации, по Марксу, вся перестройка общественных отношений по производству общественной жизни осуществляется с позиций становления новой формы присвоения, которая не исключает, а предполагает сохранение развившегося многообразия форм

собственности как форм своего собственного движения, которые являются её функциональными формами. Подчеркивая в качестве цели положительное упразднение частной собственности, Маркс тем самым воспринимал в своих ранних работах отрицательное упразднение частной собственности в качестве непосредственной цели негативно, как непонимание положительной сущности частной собственности, как возврат к частной собственности в её неразвитом виде и даже как переход в состояние, не дотягивающее до уровня частной собственности, как сведение человеческих потребностей к минимуму, аскетизму, игнорированию индивидуальных различий, способностей, талантов [5]. Отрицательное упразднение, на наш взгляд, мыслилось Марксом в «Экономически-философских рукописях 1844 года» как следствие (в форме отмирания) по мере продвижения положительного упразднения частной собственности, в смысле становления новой непосредственно-общественной формы присвоения.

Простая замена частной собственности общественной собственностью по Марксу означает лишь переход к всеобщей частной собственности, к равному праву всех на существующую частную собственность, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием [5]. В более поздних работах Маркс высказывал мысль о необходимости отрицательного упразднения частной собственности лишь в форме предположения, но и в этом случае отрицательное упразднение частной собственности не являлось самоцелью, а подчинялось планомерной организации производства в интересах всех членов общества, т.е. положительному упразднению частной собственности. Такие действия власти определялись им не как самосушные, а как подчиненные планомерной организации непосредственно-общественного присвоения, сознательному подчинению производства в интересах каждого члена общества, всестороннего развертывания многообразия возможных форм присвоения человеком природы и человеческой деятельности, в рамках которых «...человек присваивает себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом, следовательно, как целостный человек» [5, с. 120]. Частная собственность, обладание вообще — лишь одна из форм присвоения человеком предметов природы и человеческой деятельности [5, с. 126]. Маркс отмечает, что чувство обладания и стремление к таковому приобретает доминирующее значение, а это свидетельствует об отчуждении других человеческих чувств. «Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем...» [5, с. 120]. Между тем чувственное присвоение человеком и для человека человеческой сущности и человеческой жизни, предметного человека и человеческих произведений надо понимать не только в смысле непосредственного, одностороннего пользования вещью, не только в смысле владения, обладания.

Сознательно осуществляемый процесс трансформации общества через реформирование его общественных систем предполагает системное его видение. Системность предполагает выделение социально-системного отношения. Таким отношением, на наш взгляд, есть форма присвоения, которую, во-первых, мы не отождествляем ни с формой собственности, ни с системой производственных отношений. И то и другое являются формами её осуществления, движения и развития. Во-вторых, под объективно-необходимой формой присвоения, адекватной современному уровню развития, определяем непосредственно-общественную форму присвоения, т. е. сознательно осуществляемый процесс подчинения производства всестороннему развитию человека, созданию материально-технических и институциональных предпосылок присвоения каждым членом общества родовых сил человека, или, иначе, производительной силы человечества, «чувственное присвоение человеком и для человека человеческой сущности».

Именно неразличение понятий «форма собственности» и «форма присвоения» в процессе развернувшейся в советский период нашей истории дискуссии, не позволило, на наш взгляд, научному сообществу, во-первых, прийти к единой позиции по проблеме собственности. Во-вторых, не позволило ни одним, ни другим преодолеть в советский период гиперболизацию и абсолютизацию роли государственной формы собственности, а в постсоветский период абсолютизацию роли частной формы собственности в развитии общества, его обновления и модернизации.

Решение поставленной проблемы различения понятий «форма собственности» и «форма присвоения» позволит, на наш взгляд, сформировать политико-экономическую парадигму, способную интегрировать все течения современной экономической мысли, выработать основы теории политики трансформации всей системы общественных отношений. Понятно, что решение этих задач возможно лишь путем объединения усилий всего научного сообщества. В данной статье мы пытаемся, прежде всего, вновь обратить внимание научного сообщества на актуальность и важность решения данных проблем и внести свой посильный вклад в их научную разработку.

Взятие под контроль общества производственных отношений связывается Марксом с деятельностью по проектированию, созданию и поддержанию общественного контроля за сложным комплексом производственных отношений, знаменует собой становление новой, непосредственно-общественной формы присвоения, преодоление капиталистического присвоения, но с сохранением частной собственности, капитала, рынка.

Одного контроля над производственными отношениями, подчиняющими производство всестороннему развитию человека недостаточно для снятия всех исторически сложившихся наслоений отчуждения, в том числе и первоначальной формы отчуждения труда как труда принудительного, преодоления старого разделения труда. Полное преодоление отчужденных форм жизнедеятельности связывается Марксом с созданием новых производительных сил, высвобождающих человека из производства, и тем самым переходом к свободной творческой деятельности, выражающей родовую сущность человека, а следовательно, и к всестороннему, универсальному присвоению родовой сил человека.

Положения о более поздних работах Маркса о необходимости огосударствления предприятий, замене денег, рынка иными инструментами осуществления планомерной организации непосредственно-общественного присвоения, на наш взгляд, навеяны тенденциями к концентрации и централизации капитала, логикой политической борьбы того времени, объективной ограниченностью исторического материала, что привело к нарушению логики развертывания сути концепции нового способа производства и присвоения в конкретной модели.

Следует также отметить, что положения из поздних работ Маркса о необходимости огосударствления общественного капитала, замене денег, рынка новыми инструментами, необходимыми для осуществления планомерности, он относил на долю будущих поколений. Учитывая данную оговорку, можно сделать вывод, что Маркс понимал определённую меру футуризма в своих высказываниях о конкретных формах осуществления планомерности. Практика стран Запада показала, что планомерность осуществляется через формирование соответствующей институциональной среды общества, как, впрочем, и подчинение этой планомерности становлению непосредственно-общественного присвоения производительной силы общества человеком. Сознательное подчинение производства всестороннему развитию общества и человека следует понимать не в духе советской директивности, а в духе Ф. Хайека [6], погрузив этот вариант в соответствующую институциональную среду.

Содержание формы присвоения многоаспектно. Каждый аспект имеет свою функцию. Поэтому институционализация отношений присвоения должна

быть проведена так, чтобы обеспечить максимальную функциональность каждого аспекта присвоения. Первый аспект присвоения выражается принципами распределения произведенного продукта. Следовательно институционализация данного аспекта собственности есть институционализация распределительных отношений. Второй аспект присвоения – это аспект принадлежности, который касается как условий производства, так и доли продукта, который достается участникам общественного производства. Институционализация данного аспекта означает установление исключительного права соответствующего субъекта производства, охрану и защиту этого права. Третий аспект собственности – это структурный аспект, означающий расщепление прав собственности и обмен правами собственности, который отражает структуру производства и обмена.

Корни ошибок реформирования общественных систем лежат, во-первых, в неразличении формы собственности и формы присвоения, в непонимании того, что социально-системным отношением является форма присвоения, а не форма собственности. Во-вторых, в непонимании различения социально-системного отношения, которым является форма присвоения и системообразующего отношения, которым является форма власти. От того, кто является носителем власти, зависит форма присвоения. В этой связи обратимся к работе профессора В.В. Дементьева «Экономика как система власти» [7], в которой исследуется проблема власти и в которой приводятся высказывания выдающихся ученых о роли власти в общественном развитии: «Власть, – как считает Э.Тоффлер, – неизбежная часть процесса производства, и это – истина для всех экономических систем, капиталистических, социалистических и вообще каких бы то ни было...» [8, с. 53]. Б. Расселл отмечал, что власть является фундаментальным понятием в общественных науках в том же смысле, в каком энергия является фундаментальным понятием в физике [9, р. 9]. По мнению В. Самуэlsa, для институционалистов центральной экономической проблемой являются организация и контроль над экономикой, которые есть результат ее структуры власти [10, р. 110]. По мнению М. Олсона, «власть – и не только власть государства – есть способность вызывать принудительное подчинение и, следовательно, влечет за собой принудительный авторитет и способность принуждать. Поэтому для объяснения власти «недостаточно понять теорию добровольного обмена: мы должны также понять логику силы» [11, р. 23]. Дополним этот ряд, высказываниями философов: «Всякий центр силы... – отмечал Ф. Ницше – из себя конструирует весь остальной мир» (конечно, в меру наличных предпосылок – добавлено авторами)... Ценности и их изменения состоят в связи с возрастанием силы лица, устанавливающего ценности» [12, § 14]. По Хайдеггеру: «Ценность мыслится как условие самоутверждения воли ... Здесь же и только здесь достигает чистого господства подлежащий метафизическому осмыслению «эгоизм», который не имеет отношения к наивному «солипсизму...» Еще нет понимания единого необходимого и захваченности им. Само наше присутствие достигается через сдвиг человеческого бытия в целом и, значит, исходя из осмысления нужды бытия как таковом и в его истине» [13, с. 22–23]. Развивая вышеозначенные мысли великих мыслителей, отметим, что истина современного бытия – это нужда этого бытия в непосредственно-общественной форме присвоения, а логика власти (силы), починена логике присвоения в рамках ценностных определенностей субъекта власти.

Логика развития власти всегда подчинена присвоению, поэтому институты власти должны быть произведены таким образом, чтобы агенты носителя власти действовали в интересах носителя власти. Современный этап развития общества характеризуется тем, что носителем власти является народ, поэтому и представительная власть и все её ветви должны быть определены так, чтобы представительная власть своей деятельностью и институциональным производ-

ством обеспечивала интерес носителя власти, т. е. народа, который заключается в присвоении каждым членом общества производительной силы общества, или, иначе, родовых сил человека (это совместный интерес). Одним словом, институализация властных отношений означает такую спецификацию правомочий субъектов власти, при которой совместный интерес народа и частные интересы, в том числе интересы представительной власти были бы солидарными. В солидарной системе совместный интерес, т. е. возможность присвоения родовых сил общества каждым членом общества, не противостоит частному интересу, поскольку последний в этом же и заключается. Совместный интерес, институализированный соответствующим образом, не отрицает частный интерес, а лишь ограничивает подчинение частным лицом или группой лиц других частных лиц и групп, т. е. речь идет об исключении отношений господства и подчинения человека человеком и это касается отношений всех сфер общественной жизни человека: экономической, политико-правовой и социо-культурной. Становление непосредственно-общественной формы присвоения начинается с упразднения отношений господства и подчинения между людьми путем соответствующей институционализации. Снятие отчуждения в данном аспекте есть предпосылка сознательной деятельности общества по преодолению иных форм отчуждения. Иначе говоря, преодоление форм отчуждения начинается в порядке, обратном их возникновению.

Планомерность как определенная форма производства рождается в недрах капитализма как определенная система государственного регулирования и управления национальной экономикой. Первоначально логика развития планомерности подчинена капиталистическому присвоению, разрешению его противоречий через введение регулирующих норм, принципов, иных институциональных элементов регулирования в различных сферах общественного производства в общенациональном масштабе. В результате рыночная капиталистическая экономика постепенно погружалась в регулируемую государством внешнюю и внутреннюю институциональную среду. Иначе говоря, планомерность формировалась эволюционным путем. В рамках формирующейся таким образом понимаемой планомерности осуществлялось производство, которое приводило к изменению социальной и экономической структуры, что не могло не отразиться на эволюции государственности, а эволюции требований самого производства, а следовательно, и на институциональном производстве, дальнейшей эволюции внешней и внутренней среде рыночной экономики, которая во всё большей мере становилась социально-ориентированной рыночной экономикой, капиталистический характер присвоения таким ходом развития постепенно положительно упразднялся (не отрицательно, т. е. с сохранением присвоения на капитал, но в рамках иной институциональной среды).

Вместе с этим менялась и приоритетность в удовлетворении потребностей в обществе, в том числе и на микроуровне. На первое место выдвигаются потребности в образовании, квалификации, личном, интеллектуальном развитии, в формировании способностей смены вида профессиональной деятельности. Всё это вкуче с иными аспектами институционализации присвоения и есть постепенный процесс универсального развития человека, а следовательно, и предпосылка к присвоению каждым производительной силы общества, родовых сил, что, собственно, и является процессом становления непосредственно-общественной формы присвоения.

Гуманизм из абстрактно морально-этического императива превращается постепенно в реальную практику жизни, диктуемой как сложившейся институциональной системой, причем, не только формальной, но и неформальной, так и внутренней определенностью человека, общества (т. е. под воздействием достигнутого уровня производительных сил и соответствующей институциональной системы формируется так называемое экзистенциально-личное начало,

которое по существу совпадает с регулятивными ценностями формулируемы-ми обществом, в том смысле, что это начало не противостоит ценностям формируемым обществом и рассматривается им как условие своей реализации). В силу этого формируется такая институциональная система, в которой личный интерес и совместный интерес постепенно солидаризируются, но не заменяют друг друга. Всё вышеописанное есть лишь в законе выраженное движение западного общества и, следовательно, данный процесс не есть бесконфликтный и без определенных отклонений, но общество открыто для решения данных проблем как в организационно-институциональном отношении, так и по своей внутренней определенности в пределах возможностей диктуемых уровнем развития производительных сил.

Постсоветским обществам, находящимся на этапе трансформации общественных систем, еще предстоит выйти на траекторию правового эволюционного развития. Первоочередной задачей на этом пути, на наш взгляд, является соответствующая институционализация власти, и прежде всего, власти государства. Только силой государственной власти соответствующим образом институционализированной можно провести и адекватную непосредственно-общественной форме присвоения институционализацию всех общественных систем. В отличие от общества США, которое формировалось на частно-правовой основе, и в отличие от обществ Западной Европы, формировавшихся на публично-правовой основе, многие общества на постсоветском пространстве длительное время формировались на государственно-правовой основе. Поэтому отношения человека и государства, общества и государства всегда решаются в пользу представителей государства, т.е. в пользу частного или группового интереса власть предержащих. Поэтому сами по себе институты демократии, многообразии форм собственности не решают проблемы, а правовое государство является формальным по существу (и что очень точно отложилось в поговорке «закон, что дышло, куда повернул, так и вышло»). Отмеченная особенность обществ постсоветского пространства и обуславливает так называемую непредсказуемость славянской души. Дело, конечно же, не в славянстве, а в той системе общественных отношений, так как они исторически сложились, и не дают этой душе обрести, как писал А.С. Пушкин, покой и волю.

Современная политическая экономия не противостоит и неоклассическому синтезу, исходящему из рыночной модели, поскольку рассматривает товарообмен на современном этапе развития производительных сил как необходимое производственное отношение, и проблематика неоклассического синтеза остается объективно значимой. Экономикс, ядром которого является неоклассический синтез, индифферентен к форме присвоения, он, по существу, есть оптимизатор поведения хозяйствующих субъектов, оптимизатор принятия более эффективных решений, что тоже имеет чрезвычайно важное практическое значение. Иначе говоря, ядро экономикса имеет иную целевую функцию в системе экономических наук, отличную от целевой функции марксистской политической экономии как науки, являющейся отражением всей совокупности отношений по производству общественной жизни как целостности и закономерностей развития этой целостности.

Иное дело, что экономикс в существующем варианте практически достиг потолка своего развития и замкнулся на себе, постепенно превращаясь в раздел математики, малопригодный в своих математических приложениях для практического использования, но это не аргумент против экономикса. Экономикс по-прежнему востребован практикой, поскольку рыночная модель остаётся формой связи хозяйствующих субъектов.

Критикуемая статичность экономикса не есть его недостаток, поскольку решения принимаются в рамках определенных событий живыми людьми, обладающими определенной информацией и производящими недостающую им ин-

формацию в процессе практического взаимодействия в рамках и посредством определенных развивающихся институтов. Поэтому экономикс как учебник постепенно интегрирует в себя определенные предметные направления институционализма. Экономикс – это не отдельная наука, а сборник определенных предметных направлений экономической науки, взаимно дополняющих друг друга. По этой причине в экономикс как свод различных сопряженных направлений необходимо включить марксистскую политическую экономию как теорию общественного развития, как фундаментальную теоретико-методологическую основу единства всей системы предметных направлений экономической науки, предварительно преодолев в его теории присвоения абсолютизацию форм собственности и вытекающих из этой абсолютизации некоторых положений его теории общественного развития. Решение данной задачи является, на наш взгляд, ключевым в процессе становления современной политической экономии и открывает широкие возможности для развития новых, уже наметившихся предметных направлений экономической науки, в том числе и для предметных направлений семейства новой политической экономии, некоторые из которых претендуют на название политической экономии. Но эти новые предметные направления, если приглядеться более внимательно, являются предметными направлениями, высосанными из пальца К. Маркса, но имеющими право на относительное обособление и конкретизацию в рамках определенного частного учения (теории), в рамках политической экономии или в рамках сопряженной с ней уже существующей или возникающей науки.

Подводя итог, отметим, во-первых, что не одно предметное направление экономической теории в строго научном плане не может претендовать на название политической экономии, кроме теории общественного развития К. Маркса, как динамичной теории, эксплицированной во время и пространство, остальные теории есть частные теории отдельных аспектов жизнедеятельности общества, которые становятся более полными, системными и с практической точки зрения более полезными, если они развиваются в контексте целого, выраженного теорией общественного развития. Во-вторых, отмеченная выше ключевая задача становления современной политической экономии поставлена в самом общем виде, и её решение требует, на наш взгляд, усилий всего научного сообщества.

Список использованной литературы

1. Бузгалин А.В. Пределы капитализма: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранные тексты) / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. – М.: Культурная революция, 2009. – 680 с.
2. Проблемы современной экономики и институциональная теория / под ред. В.В. Дементьева, Р.М. Нуреева. – Донецк: ДонНТУ, 2009. – 500 с.
3. Пороховский А.А. Политическая экономия: современные вызовы и перспективы / А.А. Пороховский // Экономист. – 2012. – № 1. – С. 61–73.
4. Тарасевич В.Н. Политическая экономия: имя собственное, широкий смысл и предметное пространство / В.Н. Тарасевич // Вопросы политической экономии. – 2012. – № 1 (2). – С. 36–53.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2 изд. – Т. 42. – С. 41–174.
6. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок / Ф. Хайек. – М.: Издграф, 2001. – 256 с.
7. Дементьев В.В. Экономика как система власти / В.В. Дементьев. – Донецк: Каштан, 2003. – 403 с.
8. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 669 с.

9. Russell B. Power / B. Russell. – London and New York: Routledge, 2000. – 207 p.

10. Greenaway D. Companion to Contemporary Economic Thought / Ed. By D. Greenaway, M. Bleaney, I. Stewart. – London and New York: Routledge, 1991. – 654 p.

11. Олсон М. Рассредоточение власти и общество в переходный период. Лекарства от коррупции, распада и замедления темпов экономического роста / М. Олсон // Экономика и математические методы. – 1995. – Т. 31. – Вып. 4. – С. 53–81.

12. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше; пер. с нем. Е. Герцык и др. – М.: Культурная революция, 2005. – 880 с.

13. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер; сост., пер. с нем. и ком. В.В. Библихина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

Статтю присвячено ролі та місцю сучасної політичної економії в системі економічних наук. Сучасна політична економія визначається як теорія розвитку суспільства, що розкриває економічну структуру суспільства як цілісності, закономірності розвитку суспільства і фундаментальні принципи приведення всієї системи суспільних відносин у відповідність до форми привласнення як матеріального відношення суспільного виробництва, яку ми відрізняємо від форми власності, і як загальносистемної суті всієї сукупності суспільних відносин з виробництва суспільного життя людини, як внутрішньої форми суспільства. У такій визначеності сучасна політична економія не протистоїть іншим економічним дисциплінам, а навпаки, виступає їх фундаментальною теоретико-методологічною основою, що інтегрує їх в єдину систему економічної науки.

Ключові слова: економічна наука, предметні напрями і галузі економічної науки, класична політична економія, неокласика, інституціоналізм, неокласичний синтез, сучасна політична економія.

The article focuses on the role and place of the modern political economy in the economic sciences. The modern political economy is defined as a theory of society, revealing the economic structure of society as the integrity of, the laws of society and the fundamental principles of bringing the whole system of social relations in conformity with the form of appropriation, as the material relations of social production, which we distinguish the form of ownership, and how system-wide nature of the totality of social relations of production of social life, as the inner shape of society. In such a definition of modern political economy is not opposed to other economic subjects, but instead serves their fundamental theoretical and methodological basis, integrating them into a unified system of economics.

Key words: economic science, subject areas and areas of economic sciences, classical political economy, neoclassical, institutionalism, neo-classical synthesis, the modern political economy.

Одержано 21.01.2013.